

Чельцов Григорий Васильевич

**Теория Бокля и христианское
учение о промысле Божиим**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Г83

Г83 **Григорий Васильевич Ч.**
Теория Бокля и христианское учение о промысле Божиим / Чельцов Григорий
Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2026. – 85 с.

ISBN 978-5-521-29953-9

ISBN 978-5-521-29953-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Бокля, при довольно ограниченномъ образованіи нашего общества, могло произвести на него болѣе сильное впечатлѣніе. «Исторія цивилизаціи въ Англіи» появилась у насъ, притомъ, въ такое время, когда недовольство старымъ порядкомъ вещей и стремленіе къ преобразованіямъ всякаго рода вполнѣ охватили наше общество, вызывая въ немъ особенное сочувствіе ко всему новому, выходящему изъ ряда обыкновеннаго. Появившись въ такое время съ своими реформаторскими тенденціями, съ своими оригинальными, смѣлыми планами и щедрыми обѣщаніями, она не могла не возбудить особеннаго интереса. Не нужно, наконецъ, опускать изъ вниманія и того, какъ многіе у насъ еще такъ недавно, а, можетъ быть, многіе и теперь, при своемъ желаніи преобразовать по своему умственное и социальное состояніе общества доходили до совершеннаго отрицанія созданной доселѣ науки и началъ, лежащихъ въ самой системѣ нашего образованія. Извѣстно, что презрѣніе къ выработанной доселѣ наукѣ и восхваленіе самообразованія безъ помощи всякаго посторонняго руководства и какихъ бы то ни было учебныхъ заведеній, ясно или скрытно, заявляли себя даже въ нѣкоторыхъ органахъ нашей литературной дѣятельности. Держащихся подобнаго образа мыслей, кромѣ оригинальности и кажущихся или дѣйствительныхъ достоинствъ своего сочиненія, Бокль, конечно, не могъ не привлекать къ себѣ (сознательно, или безсознательно для нихъ самихъ) самую свою подготовку къ литературной дѣятель-

ности и тѣмъ отношеніемъ, въ которое онъ поставилъ себя къ писателямъ, подвизавшимся до него въ той сферѣ знанія, которую онъ избралъ для своихъ ученыхъ занятій.

Бокль родился 24-го ноября 1822 года. Сынъ богатаго лондонскаго купца, онъ имѣлъ всѣ средства получить хорошее образованіе. Рано отдали его въ школу, гдѣ онъ дѣлалъ очень быстрые успѣхи. Но школьная дисциплина и скудость уроковъ, которыми довольствовались его товарищи по школѣ, видимо стѣсняли пылкаго и даровитаго ребенка. Когда 14-ти лѣтъ онъ получилъ первую премію за математику, отецъ спрашивалъ, какой награды желаетъ сынъ. Мальчикъ просилъ позволенія оставить школу и самому заняться своимъ образованіемъ; отецъ согласился на это и отпустилъ его дядьку. Съ этого времени Бокль ревностно и съ полнымъ увлеченіемъ занялся чтеніемъ книгъ по всѣмъ отраслямъ знанія, не имѣя еще впереди никакой определенной цѣли для своихъ занятій. Но вскорѣ онъ обратилъ свои занятія, сначала ограничивавшіяся многостороннимъ безцѣльнымъ чтеніемъ, къ одному вопросу, — къ вопросу объ умственномъ развитіи человѣческаго рода. Такимъ образомъ 18-ти лѣтъ онъ задумалъ уже то твореніе, которое сдѣлало такъ извѣстнымъ его имя, но задумалъ его, по собственному сознанію, въ болѣе обширныхъ размѣрахъ: онъ хотѣлъ написать полную исторію цивилизаціи человѣчества, и только впоследствии, видя неисполнимость такого плана при существующихъ матеріа-

лахъ, ограничился исторіею цивилизаціи въ Англіи. Впрочемъ ранняя смерть его, 26-го мая 1862 года, какъ извѣстно, воспрепятствовала ему выполнить задуманный имъ трудъ и въ этомъ ограниченномъ объемѣ; такъ что вышли въ свѣтъ только двѣ трети одного введенія къ нему. Съ необыкновенною даровитостью соединяя въ себѣ многостороннюю начитанность и пылкость характера, Бокль чувствовалъ въ себѣ довольно силъ сдѣлать для науки и всего человѣчества очень многое въ разработкѣ заданнаго себѣ вопроса. Восемнадцатилѣтній юноша былъ полонъ надеждъ на свои успѣхи впереди. Но его пылкая натура и горячая фантазія не довольствовались ролью обыкновеннаго историка. Онъ думалъ и долго не покидалъ надежды принести ученому міру что нибудь особенное, выходящее изъ ряда обыкновеннаго. Находя, что историческая наука въ своемъ развитіи далеко отстала отъ наукъ естественныхъ и что самый методъ, употребляемый при ея изученіи, далеко отличается отъ метода, употребляемаго въ естествовѣдѣніи, онъ увидѣлъ предъ собою обширное поле для дѣятельности на непочатой еще, по его мнѣнію, почвѣ историческаго знанія,—возможность быть для исторіи тѣмъ же, чѣмъ Коперникъ, или Гумбольдтъ, были для естествовѣдѣнія. Слить въ одно цѣлое всѣ области человѣческаго знанія, показать ихъ взаимное отношеніе въ исторіи человѣка, открыть законы, управляющіе человѣческою жизнію, и чрезъ то подобно естествовѣдѣнію сдѣлать исторію наукою точною и

правильною, которая давала бы возможность на основаніи текущаго хода дѣлѣть предсказывать будущее,—было прямою цѣлію задуманнаго имъ сочиненія. И онъ не сомнѣвался въ успѣхѣхъ своего предпріятія. «Я надѣюсь сдѣлать для исторіи человѣка», говоритъ онъ, «нѣчто равное или, по меньшей мѣрѣ, подобное тому, что сдѣлано другими изслѣдователями для разныхъ отраслей естествовѣдѣнія. Въ области природы явленія, по видимому самыя неправильныя и причудливыя, объяснены и подведены подъ опредѣленные и общіе законы. Такіе результаты достигнуты потому, что люди даровитые и, что еще важнѣе, трудолюбивые, привыкшіе къ безустанной работѣ мысли, изучали явленія природы съ цѣлію открыть ихъ правильность. Если человѣческія дѣйствія подвергнуть подобному же изученію; то мы имѣемъ полное право ожидать подобныхъ же результатовъ ¹⁾».

Образъ воспитанія Бокля сопровождался своими обыкновенными послѣдствіями. Съ 14-ти лѣтъ ставъ совѣтоваться только самъ съ собою, не зная руководства и контроля опытныхъ наставниковъ, Бокль вошелъ въ возрастъ мужества съ самою абсолютною вѣрою въ себя и съ самонадѣяннѣйшимъ презрѣніемъ къ лицамъ и учрежденіямъ, выходившимъ за предѣлы его личныхъ симпатій. Самоувѣренный, оскорбительный догматизмъ его исторіи — первый плодъ этого недостаточнаго воспитанія. Въ слѣдствіе своего узкаго догматизма онъ былъ слѣпъ къ сво-

¹⁾ По изданію Тиблена, томъ 1, стран. 4.

имъ недостаткамъ и неспособенъ былъ безпристрастно судить о мнѣніяхъ другихъ. О государственныхъ людяхъ прошедшаго времени онъ говорить: «я перечиталъ тысячи писемъ, писанныхъ дипломатами и политиками, и не встрѣтилъ ни одного, который бы понималъ духъ и направленіе вѣка, въ которомъ онъ жилъ». Знаменитыя сочиненія извѣстнѣйшихъ авторовъ онъ называетъ школьными; самымъ безкорыстнымъ реформаторамъ приписываетъ самыя низкія и неблагородныя побужденія. О писателяхъ, подвизавшихся до него на поприщѣ исторіи, и ихъ трудахъ онъ отзывался съ полнымъ презрѣніемъ и желчною заносчивостію, говоря, что доселѣ исторію писали люди неспособные къ великимъ дѣламъ ¹⁾, неспособные понимать общественныхъ явленій, слѣпыя вожди слѣпыхъ, и—ихъ теоріи религіи, племени и управленія, которыми они объясняли движенія исторіи, были не больше цѣнны, чѣмъ Птолемеевы циклы, которыми этотъ древній астрономъ объяснялъ движенія солнечной системы,—что ихъ сочиненія вообще необходимо выражаютъ невѣжество ихъ авторовъ и менѣе цѣнны, чѣмъ старыя альманахи, на которые они иногда походили; и потому все, что доселѣ было представлено міру подъ видомъ исторіи, должно быть отвергнуто, какъ недостойное имени исторіи и вполнѣ бесполезное, — что ему, наконецъ, приходится поднять исторію изъ младенче-

¹⁾ Т. 1, стран 169.

скаго ея состоянія на одинъ уровень съ естество-
знаніемъ. Обращаясь къ тому, что было сдѣлано
до него для изученія исторіи въ томъ видѣ, какъ
понималъ ее самъ онъ, Бокль къ своему прискор-
бію видитъ только одинъ сырой матеріалъ, къ ко-
торому ему первому будто бы суждено приложить
свои руки, чтобы создать изъ него дѣйствительную
и точную исторію человѣчества. «Несчастливая особен-
ность исторіи человѣка,» говоритъ онъ, «состоитъ
въ томъ, что, какъ ни искусно изслѣдованы от-
дѣльныя ея части, какъ ни богато разработаны
прочія отрасли человѣческаго вѣдѣнія, все же по-
чти никто не пробовалъ слить ихъ въ одно цѣ-
лое и объяснить ихъ взаимную связь.... Во всѣхъ
другихъ великихъ сферахъ вѣдѣнія необходимость
обобщенія признана всѣми и сдѣланы благород-
ныя попытки возвыситься надъ отдѣльными фак-
тами и открыть законы, управляющіе этими фак-
тами. Но историки такъ далеки отъ подобнаго
взгляда, что между ними преобладаетъ мысль, будто
все дѣло ихъ рассказывать событія, оживляя по
временамъ этотъ рассказъ нравственными и полити-
ческими размышленіями. Вслѣдствіе такого взгляда,
каждый, кто по лѣности мысли, или по природной
тупости не способенъ ни къ какой изъ высшихъ
отраслей знанія, можетъ, посвятивъ нѣсколько лѣтъ
на прочтеніе извѣстнаго числа книгъ, сдѣлаться
способнымъ написать исторію великаго народа (на-
примѣръ, британскаго), и его книга будетъ счи-
таться авторитетомъ въ предметѣ, которому по-

священа... Правда, еще въ началѣ XVIII вѣка появилось нѣсколько великихъ мыслителей, которые оплакивали отсталость исторіи и употребляли всѣ усилія, чтобы помочь этому злу. Но такіе примѣры были рѣдки,—такъ рѣдки, что въ литературѣ всей Европы, едва ли найдется болѣе трехъ или четырехъ истинно оригинальныхъ сочиненій, заключающихъ въ себѣ систематическую попытку изучить исторію человѣка на основаніи того точнаго метода, который оказался столь успѣшнымъ въ другихъ отрасляхъ знанія и который служить единственнымъ путемъ для возведенія эмпирическихъ наблюденій на степень научныхъ истинъ..... Хотя стремленіе историковъ въ наше время утѣшительнѣе, чѣмъ въ какой либо изъ предыдущихъ періодовъ; тѣмъ не менѣе должно согласиться, что, за исключеніемъ весьма немногихъ попытокъ, они остаются только стремленіями, и до сихъ поръ едва ли что-либо сдѣлано для узнанія началъ, управляющихъ характеромъ и судьбами народовъ» ¹⁾).

Одну изъ существенныхъ причинъ отсталости изученія исторіи сравнительно съ изученіемъ природы Бокль, какъ мы видѣли изъ его словъ, полагаетъ въ томъ, что доселѣ историки не пользовались тѣмъ методомъ, который оказался столь успѣшнымъ въ области естествовѣдѣнія. Поэтому, чтобы поднять исторію на одинъ уровень съ естественными науками, онъ признаетъ необходимымъ употреблять при изученіи ея тотъ же методъ, ко-

¹⁾ Томъ 1, стран. 2 и 3.

торый употребляется естествоиспытателями при изучении природы. Тщательно собирать историческіе факты и явленія, группировать ихъ по классамъ, наконецъ дѣлать изъ нихъ обобщеніе или выводъ,— вотъ единственный путь, который, по мнѣнію его, можетъ вести къ познанію законовъ и началъ, управляющихъ характеромъ и судьбами народовъ. Въ этомъ отношеніи Бокль признаетъ статистику самымъ лучшимъ пособіемъ для историка и употребляемый въ ней способъ счисленія—самымъ надежнымъ и даже естественнымъ ручательствомъ за успѣхъ въ дѣлѣ открытія причинъ и законовъ явленій, равно какъ въ самой оцѣнкѣ исторической важности этихъ причинъ и законовъ. «Статистика,» говоритъ Бокль, «не смотря на свое младенческое состояніе, пролила на изученіе человѣческой природы болѣе свѣта, чѣмъ всѣ другія науки вмѣстѣ» ¹⁾, и «это потому, что статистики приступили къ изученію своего предмета по тому методу, который давно принятъ естествоиспытателями и оказалъ большіе успѣхи въ изученіи физическихъ явленій» ²⁾. Чего доселѣ не узналъ метафизикъ, или фізіологъ, наблюдая индивидуумы; то, по словамъ Бокля, открыла статистика, наблюдая за цѣлою массою индивидуумовъ и употребляя простой способъ счисленія фактовъ. Взявъ за болѣе пространство времени извѣстное количество явленій въ жизни человѣчества, историкъ, по мнѣнію Бокля,

¹⁾ Томъ I, стран. 24 и 25.

²⁾ Здѣсь же стран. 3 и 25.

долженъ разсортировать ихъ на группы и отсюда выводить заключеніе о причинахъ и законахъ этихъ явленій, а также и объ исторической важности этихъ причинъ и законовъ. По такому методу, чѣмъ извѣстная группа явленій больше, тѣмъ, значитъ, больше сила причинъ, породившихъ эти явленія; а чѣмъ группа меньше, тѣмъ меньше сила, дѣйствовавшая въ порожденіи ея. Въ первомъ случаѣ дѣйствуетъ, значитъ, законъ важнѣйшій въ исторіи, а въ послѣднемъ законъ менѣе значительный. Первые законы суть главные двигатели исторіи, а вторые — ея второстепенные дѣятели. Вотъ методъ, которому, по мнѣнію Бокля, непременно долженъ слѣдовать вообще каждый, желающій успѣха своимъ научнымъ изысканіямъ, и которымъ самъ онъ пользуется въ своемъ сочиненіи, вполне надѣясь подъ его руководствомъ выполнить свою задачу.

При такомъ желаніи приравнять исторію человека въ ея раскрытіи и самомъ методѣ изслѣдованія къ наукамъ естественнымъ, Боклю самъ собою долженъ былъ представиться вопросъ о нравственномъ началѣ въ жизни человѣчества, существенно отличающемъ ее отъ жизни физической природы и лишающемъ ее той законченности и той механической правильности, какія представляютъ въ себѣ явленія міра физическаго. Ученіе о свободѣ человеческой воли и ученіе объ участіи въ человѣческой жизни промысла Божія, поэтому, явились для Бокля съ самаго же начала его изслѣдованій та-

кими вопросами, которые касаются самой сущности всего предмета и отъ такого или другаго разрѣшенія которыхъ зависить, по его мнѣнію, возможность или невозможность исторіи, какъ науки, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ хотѣлъ видѣть ее ¹⁾).

Давая на нихъ отвѣтъ чисто отрицательнаго свойства, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ его математически точнымъ и свою теорію—«роковою» для ученія о свободной волѣ и о какомъ бы то ни было сверхъестественномъ вмѣшательствѣ въ дѣла міра и судьбы человѣческой жизни, или, что тоже, для ученія о промыслѣ Божіемъ.

Чтобы правильнѣе оцѣнить теорію Бокля и яснѣе видѣть, на сколько она дѣйствительно можетъ колебать христіанское ученіе о промыслѣ Божіемъ, по которому исторія есть результатъ взаимодействія элементовъ божественнаго и человѣческаго, мы изложимъ: 1) христіанское ученіе о промыслѣ Божіемъ, 2) теорію Бокля, и затѣмъ 3) разсмотримъ наконецъ тѣ основанія, на которыхъ она опирается.

1) Христіанское ученіе о промыслѣ Божіемъ.

Христіанская вѣра учитъ, что премудрый и всеблагій Богъ, сотворивъ міръ, не оставилъ его самому себѣ, не отдалъ его подъ власть какой нибудь, воображаемой нѣкоторыми, судьбы, или слѣпаго случая, но постоянно Самъ печется и промышляетъ о немъ.

¹⁾ Томъ I, стран. 5 и 13.